

С.В. Чугров

Японцы: гибридизация и гармонизация

<ЧУГРОВ Сергей Владиславович, доктор социологических наук, профессор МГИМО (У) МИД России, главный редактор журнала «Полис».>

Столкновение (как уже модно становится говорить у наших политологов, «клэш») цивилизаций с легкой руки С.Хантингтона стало одной из ведущих тем политологического дискурса: «'Клэш' нельзя отменить – мы были и остаемся в обозримом будущем очень разными и потому будем конфликтовать», – утверждает А.Малашенко (Московский центр Карнеги) [Малашенко 2007]. Не могу согласиться ни с доктором исторических наук, ни со своим учителем Хантингтоном, с которым приходилось неоднократно вступать в публичную полемику по этой тематике [Chugrov 1994]. Гораздо продуктивнее говорить о взаимодействии, диалоге цивилизаций, а их столкновение рассматривать как «негативный экстернализм», некий побочный продукт скороспелой глобализации. А если мы хотим запрограммировать «клэш», то мы его непременно получим.

Двойственность процесса самоидентификации японцев, принадлежащих как Западу, так и Востоку, заставляет их задуматься о своей идентичности и уточнять ее. В массовом сознании японцев сохранились базовые смысложизненные установки, имеющие глубокие социокультурные и архетипные корни, которые в совокупности формируют идеальный тип японца, обладающего автономностью мышления, незаурядными адаптационными способностями к культурным интервенциям и поворотам судьбы, сохраняя при этом преимущественно «неэкономический» характер социального взаимодействия.

Сами японцы много пишут по проблеме своей идентичности, и слово «айдентити» прочно вошло в японский язык. Однако, как говорит японская поговорка, «у подножия маяка темно» (*дайто мото кураси*), то есть истинное положение видно издалека, а самооценка порой чревата самообманом.

«Идентичность есть онтологическое убеждение (личности, группы, социосистемы), проявленное в процессе взаимодействия с некоторой 'инаковостью'» [Переслегин и др. 2002]. Идентичность относится к тому классу явлений, которые связаны с частью глубинного коллективного самосознания и самоощущения членов общества, включающей в себя свойственное им коллективное бессознательное. Она основана на долгоживущих, устойчивых шаблонах отношения к иным социокультурным и национально-этническим группам, к окружающему миру в целом.

Глобализация сдвигает акцент с политической идентичности национального государства к неким межгосударственным и внутритерриториальным формам идентичности.

В смысле институционального социально-политического устройства Япония не слишком разительно отличается от западных стран и вполне

может считаться западной страной. Однако, совершенно очевидно, она относится несколько более болезненно к своей идентичности в силу упомянутых выше исторических причин. Что же касается заимствования западных моделей мышления и поведения, ряд японских исследователей с тревогой подчеркивают наметившийся переход Японии с этических на прагматические принципы взаимоотношений с внешним миром. Часто можно встретить с сетованиями на распад и упадок японской цивилизации, суждениями о том, что в той Японии, где национальную идентичность намереваются отождествлять с западной, процесс распространения эгоизма и нигилизма уже невозможно остановить [Ватанабэ 2002: 42]. Между тем, как отмечает политолог Ё. Накамото, несмотря на заимствование многих западных ценностей, в системе ориентиров японской дипломатии по-прежнему присутствует склонность оперировать этическими нормами в международных отношениях [Накамото 2001: 54-59].

Судя по многочисленным опросам общественного мнения, среди стран, которые представляют собой “зеркало” для Японии, наиболее видное место занимают Соединенные Штаты, затем следуют азиатские соседи, прежде всего Китай, Россия и Корея, потом Европа и, наконец, остальные регионы мира. Однако глобализация несет с собой некое смешение былых иерархических структур: весь мир становится психологически близким.

В этом контексте Япония может структурно рассматриваться как часть военно-политического союза с США (условно – Запада) или, скажем, члена Азиатско-Тихоокеанского экономического сообщества (условно – Востока) и т.п. Т.е. увеличивается множественность идентичностей, нарастают уровни «идентификационной матрицы» (например, житель Токио – японец – *кто еще?*). Известный исследователь, работающий в США, Ц. Акаха считает у Японии есть три идентичности, основанных на национализме, регионализме и глобализме [Акаха 1998: 795].

Этническая идентичность японского народа не представляет собой сложного вопроса, поскольку Япония явно не принадлежит к категории «многосоставных обществ» (А. Лейпхарт): численность представителей других этнических групп, населяющих страну составляет около одного процента от численности населения. Цивилизационная идентичность Японии остается не до конца решенной проблемой, более того, актуальность поиска такого решения все возрастает.

С.Хантингтон выделяет восемь цивилизаций – Западную, Православную, Конфуцианскую, Мусульманскую, Латиноамериканскую, Японскую, Буддистскую и Африканскую [Хантингтон 2003]. Эта классификация вызывает вопросы у многих исследователей. Выделяются сомнения в том, что японскую цивилизацию следует выделять как самостоятельную и самодостаточную.

Действительно, существует точка зрения, что Япония отпочковалась от китайской в период между 100 и 400 гг. Ряд японских политологов, однако, утверждает, что японская культура представляет собой крайнюю, «островную» форму культуры Китая, ведь недаром ее порой называют «дочерью древней китайской цивилизации». Япония импортировала из Китая ключевые принципы организации социума, культурные основы — иероглифическую письменность, конфуцианство (в чжусианской форме),

даосизм, буддизм, китайский тип мышления, науку, многие виды искусства, обычаи, ритуалы и церемонии – от чаепития до единоборств. Известен и примечательный пример из области архитектуры: император Камму перенес в 794 г. столицу в Киото и отстроил ее в абсолютном соответствии с планом китайского города Чаньань в провинции Шэньси [Бычкова б.г.].

Выделять японскую цивилизацию в отдельную единицу, возможно, не совсем правильно хотя бы потому, что различия, скажем, между США и Францией, объединяемых в одну цивилизацию, никак не меньше, чем между Китаем и Японией [Переслегин б.г.].

Автору как японоведа хочется мыслить Японию в терминах самостоятельности и неподражаемости. Справедливости ради, однако, надо отметить, что японская культурная матрица представляет собой уникальный буддистско-конфуцианско-синтоистский комплекс. Но совершенно не принципиально, считать Японию отдельной цивилизацией или частью единой дальневосточной цивилизации. Суть в том, к какому полюсу она тяготеет и какому из глобализационных сценариев будет следовать.

В политологическом сообществе существуют четыре базовых сценария глобализации, которые конкурируют в условиях «глобальной неопределенности». *Вестернизация* понимается как культурная ассимиляция «центральной цивилизацией» немодернизированных территорий, формирование гомогенизированной культуры на основе ценностей либерализма и универсализма. *Фрагментация* (термин, введенный американским исследователем Дж.Розенау) обозначает комбинацию фрагментации и интеграции, переформатирование и укрепление блоков и союзов национальных государств. *Локализация* – консолидация этнических и цивилизационных общностей на основе фундаменталистских идеологий, проводящих политику культурной изоляции как суррогатной формы социальной и культурной толерантности. И, наконец, *глокализация* (термин – *global+local* – был введен руководителем корпорации "Сони" А. Морита) – синтез модернизации локальных культур с достижениями формирующейся глобальной мультикультурной цивилизации, который осуществляется в процессе культурной гибридизации, т.е. взаимообогащения культур. Все четыре сценария могут претворяться в жизнь одновременно, в разных районах Земного шара [Федоров б.г.].

Япония – яркий пример успешной версии глокализации. В этом ее ответ на вызовы глобализации, грозящей обезличить национальное культурно-цивилизационное своеобразие. Японцы мыслят политическое устройство страны в терминах западной цивилизации и в контексте западных демократических и либеральных ценностей. Западные принципы заложены в фундамент японской системы рациональных бюрократических институтов: «Внимательный взгляд на японское общество приоткрывает здоровое выражение интереса к себе, нонконформизм и дифференциацию одного индивидуума от другого» [Moeur, Sugimoto 1986: 210]. Молодые японцы подчеркнуто пытаются подчеркнуть свою индивидуальную идентичность, к примеру, тщательным выбором мелодий звонка мобильного телефона, однако почему-то из несметного выбора мелодий они склонны оказывать предпочтение одним и тем же.

Вместе с тем в цивилизационно-культурном контексте японцы совершенно отчетливо ощущают себя частью дальневосточной цивилизации, базирующейся на конфуцианско-буддистском комплексе.

Япония представляет собой симбиоз западной политической и восточной конфуцианско-буддистской идентичности. При этом существование подобного «кентавра» на редкость гармонично. При всей эклектичности подобного вида симбиоза не возникает глубоких противоречий внутри этого комплекса. Массовый конфессионально-культурный фундаментализм – в отличие от исламского мира – едва ли мыслим в современной Японии: он локализуется в лоне маргинальных сект типа достопамятной «Аум синрикё».

Подобный гармоничный симбиоз традиций и инноваций получил в японской политической науке название *дзассюсэй* (гибридность) [Катакура 2007:19-78]. Откуда берется высокий уровень способности к гибридизации, если любая инновация вызывает возмущение в традиционной системе? Во-первых, японское сознание способно трансформировать и адаптировать заимствования настолько эффективно, что они принимаются как нечто органичное и не противоречащее традиции. Во-вторых, специфика японской традиции заключается в том, что «восприятие нового не требовало концептуальной перестройки сознания, никогда не стоял вопрос о насильственном вытеснении старого новым, заимствованное ассимилировалось, дополняло автохтонную синтоистскую культуру Японии. Новое усваивалось и трансформировалось в нечто созвучное автохтонной культуре, без затраты энергии на разрушение старого и построение нового...» [Бычкова б.г.].

Сетевые формы самоорганизации японского общества вполне приспособлены к абсорбированию инноваций, которые не оказывают существенного влияния на идентичность, а создают вполне непротиворечивый традиционно-инновационный комплекс. Для японского сознания нет «кентавр-проблемы» – оппозиции между традиционной и инновационной идентичностью. Традиции и инновации, западное и восточное как бы перетекают друг в друга наподобие *ин* и *янь*. То есть в Японии сложилась двуединая идентичность: внешняя (институциональная) – западная и внутренняя (духовно-нравственная) – дальневосточная. Какую из них считать ключевой? Это зависит от контекста и точки зрения. Все же, в глубинном смысле, ведущей следует, очевидно, считать дальневосточную, поскольку она основана на архетипах, длящихся из «вечности в вечность».

Прошло время, когда японцы стремились всячески акцентировать свою приверженность западным стандартам, за которой порой скрывалась некая болезненная ущербность. Политологи подмечают некий гротеск, который на протяжении столетия проявлялся «в удивительной, аляповатой смеси различных архитектурных стилей в модернизирующихся японских городах, в комичном смешении элементов японского национального и европейского костюма многими японцами и т.д.» [Васильева 2001: 16]. Сейчас происходит «ускорение смешения» (*accelerated mixing*): «Ново не само смешение, а его масштабы и интенсивность» [Nederveen 2002: 219-245].

Минуло увлечение теориями «нихондзин рон» – японоцентристскими «теориями о японцах», превозносившими уникальность японской нации и получившие расцвет в 60-х годах, в период бурного экономического развития

страны. Входит в моду признавать, что былой дискурс был всего лишь «мифом о японской уникальности»: «Японии не надо было искать моделей вне себя; она сама стала моделью не только для своих азиатских соседей, но и для развитых западных стран. Вопрос об *азиатской* культурной идентичности был неправомерным» [Dale 1986; Duus 2001: 248].

Ныне мало кого в Японии волнует «западно-восточный» эклектизм в каких-либо его проявлениях. При этом политическая (и во многом культурная) ориентация на США остается незыблемой; чувство близости к США на протяжении последней четверти века неизменно демонстрируют около 75% опрошенных [Найкакуфу... Гайко... 2007]. В противовес западному влиянию японцы сейчас подчеркнуто начинают признавать свою имманентную связь с Азией. Более того, многочисленные опросы общественного мнения свидетельствуют, что азиатская составляющая японской самоидентификации демонстрирует тенденцию к нарастанию.

В толкование самоидентификации входит не только отнесение себя к определенной цивилизационной общности, но и видение своего места в системе межгосударственных отношений. И японский казус, безусловно, любопытен, поскольку Япония принадлежит к странам, которые «включились в международную систему со своими особыми цивилизационными традициями и специфическими структурами неевропейской политической организации (Россия, Япония, Китай и т.п.)» [Мельвиль 2007: 14].

Какой себя видит Япония и какой она видится другим? По объективным показателям, вес и влияние страны позволяет отнести ее к группе лидеров мирового сообщества. Статистический анализ выявляет принадлежность Японии к «лидерам государственности» (это «страны демократического выбора, относительно высокого качества жизни и низких угроз»). Согласно анализу рейтингов, если принять «индекс государственности» США за 10,00, то Япония окажется на втором месте с индексом 9,34 (для сравнения заметим, что Россия в списке занимает 27-е место).

Как показывает статистический анализ, «в одних случаях лидеры влияния тяготеют к «полюсу» государственности в ущерб качеству жизни (Россия, Индия, Турция), в других – добиваются баланса влияния и качества жизни (Великобритания, Франция, Германия, Япония)» [там же: 199]. Япония не ставит цели поддерживать высокие темпы экономического роста исключительно ради укрепления своего влияния в мире, как это было в 60-70-е годы. В качестве элемента политической идентичности выступает стремление стать «страной, в которой удобно жить». В то же время это не вызывает желания самоизолироваться от мирового сообщества. То есть Японии удалось достичь важного баланса между влиятельностью и процветанием, что наложило неизгладимый отпечаток на самовосприятие нации.

Однако идентичность связана не столько с объективными характеристиками, сколько преимущественно с эмоциональными и субъективно значимыми представлениями. В этом смысле, несмотря на нерешенность некоторых смысловых проблем (нельзя абсолютизировать отмеченную гармонию), в целом японцы вполне ощущают свои тождество и непрерывность.

Если в интерпретации японской идентичности учитывать фактор любви к отечеству, то опросы общественного мнения дают достаточно убедительную картину. Ощущают чувство любви к родине более 78% японцев, а в том, что они вообще лишены этого чувства признались только 2% [Айкокусин... 2007]¹

Характерные черты добавляют к коллективному портрету японцев опросы относительно их отношения к нации-государству. Отвечая в 2007 г. на вопрос «Что для вас важнее – выгода нации-государства как целого или личная выгода?» 47,4% отдали симпатии национальной выгоде и лишь 29,7% предпочли личную выгоду. При этом в ходе опроса предыдущего года поборников интересов нации-государства было меньше – всего 44,9% [Найкакуфу... Сякай... 2007]². Эти результаты ставят под сомнения все шире распространяющееся среди специалистов мнение, что Япония превратилась в страну индивидуалистического мышления западного толка. Конечно, сейчас, когда страна достигла высокого уровня процветания, крайне редко можно услышать из уст японцев нечто вроде претензий на великодержавный статус. То есть по мере роста удовлетворенности уровнем жизни, националистические амбиции слабеют, как отмечают японские исследователи, у японцев нет ни возможностей, ни намерений противиться глобальным стандартам и глобализации, за которыми проглядывают руководящая роль Запада и его моральные нормы [Ватанабэ 2002: 77-78].

В этом контексте представляет интерес приоритетность причин, почему японцы гордятся своей страной.

Таблица 1

Гордость за Японию (верхние пять позиций)

| | 2003 | 2004 | 2005 | 2006 | 2007 |
|---|------|------|------|------|------|
| Долгая история и традиции | 37,3 | 39,7 | 39,9 | 42,4 | 43,6 |
| Выдающиеся культура и искусство | 32,6 | 34,9 | 38,4 | 40,4 | 41,8 |
| Красота природы | 37,3 | 38,5 | 39,1 | 41,0 | 36,5 |
| Трудолюбие и способности народа | 25,3 | 24,9 | 25,1 | 27,9 | 29,8 |
| Высокий уровень общественной безопасности | 26,9 | 20,0 | 18,0 | 20,6 | 24,0 |

Источник: Национальный опрос 18 января – 4 февраля 2007 г. (n=10 000). Найкакуфу дайджин камбо сэйфу кохосицу. Сякай исики-ни кан суру ёрон тёса (Информационный отдел при секретариате кабинета министров. Опрос

¹ Опрос «Асахи симбун». 25 января – 24 марта 2007 г. (n=251).

² Национальный опрос 18 января – 4 февраля 2007 г. (n=10 000).

общественного мнения, касающийся состояния общественного сознания).
www8.cao.go.jp/survey/h18/h18-shakai/index/html

Японская идентичность эволюционирует одновременно в двух направлениях – дрейфуя в сторону западных моделей поведения (это скорее внешний, поверхностный слой самоидентификации) и подтверждая верность ключевым ценностям восточной цивилизации (это более глубинный, корневой уровень самоидентификации). Само собой, внешняя сторона жизни и поведения японцев больше бросается в глаза и создает впечатление ведущей тенденции. Когда же речь заходит об экзистенциальных ценностях, что в реальной жизни случается не так часто, на поверхность всплывают ключевые точки опоры национальной идентичности.

Есть и еще одна ипостась проявления традиционности – это, например, участие японцев в праздниках *мацури* и совершение различного рода ритуалов. Молодежь связывает эксплицитно свою принадлежность к традиционной цивилизации, с азартом участвуя в массовых шествиях по праздникам с паланкинами *о-микоси* на плечах, восходящим к временам древней и средневековой Японии, нисколько не демонстрируя в своем большинстве артикулированных религиозных чувств. Не верность традиционализму, а скорее стремление на короткое время освободиться из железной клетки социальной иерархии и стереотипизированных норм поведения объясняет карнавальный тип японской культуры в том смысле, который вкладывал в слово «карнавальность» М.Бахтин. Эту важную часть повседневной жизни японцев следует отнести к поверхностному, ритуальному слою. Не менее заметную роль для демонстрации японской идентичности играет телевизионная пропаганда японской кулинарной культуры, которая навязчиво присутствует на всех телеканалах в прайм-тайм; реклама японской еды занимает примерно столько же эфирного времени, что и автомобилей [Holden 2002]: «Постоянно внушается, что японская (или японизированная) еда самобытна, необычна, незаменима и, как правило, несравненна... Яйцо, шипящее на сковороде – символ японского флага... Несомненно, широко распространенное рекламирование традиционной японской кухни и культурных особенностей, ознакомление с региональными обычаями и историей могут в определенной мере способствовать утверждению веры в уникальность японской культуры» [Holden 2008]. Ревностность в следовании ритуалам и подчеркнутое пристрастие к внешним символам национальной кулинарной культуры нарастают по мере давления глобализации и макдонализации. Однако это скорее декорация. Вместе с тем, имплицитно японский тип мышления и мировосприятия связан с автохтонной традицией на глубинном уровне.

Даже если Японию считать самостоятельной цивилизацией, ее следует более близко соотносить с восточноазиатской и глобальной цивилизациями, учитывая немалое количество пересечений (см. табл.2).

Таблица 2

Компоненты японской идентичности

| Японская | Восточноазиатская | Глобальная |
|-----------------------|-------------------------|----------------------|
| Язык | Иероглифика | Масс-медиа |
| Пища (суп мисо, суси, | Пища (рис, соя, палочки | Фаст-фуд (кока-кола, |

| | | |
|---|--|--|
| натто и т.д.) | для еды) | Макдональдс) |
| Синтоизм | Буддизм, конфуцианство | Нравственность, мораль, поп-культура |
| Страх перед цунами, землетрясениями, стремление к гармонии с природой | Социальные ценности (уважение к старшим, иерархия, групповое мышление) | Общечеловеческие ценности (любовь к детям, семья, мир, образование, здоровье процветание, чистая среда и т.д.) |

Почему Японии необходима восточноазиатская идентичность? По мнению участников семинара Университета ООН по глобалистике, это представляется насущной задачей в связи с тем, что необходимо сформировать доверие, чтобы развивать региональное сотрудничество, избежать изоляции, сбалансировать отношения не только с США, но и с остальной Азией [Материалы 4-й сессии... 2008].

Интересно отметить, что среди западного политологического сообщества намерение укреплять восточноазиатскую идентичность вызывает некоторую настороженность. Причем причиной тому видится не столько ответ на вызовы глобализации, сколько реакция на окончание холодной войны. Новый интерес японцев к восточноазиатской составляющей своей идентичности нередко объясняется тем, что «крушение советского блока спровоцировало общий пересмотр роли Японии в мировой политике. Во время холодной войны было так просто и удобно следовать в кильватере азиатской политики США, однако конец определенности положения времен холодной войны сделал возможными новые выборы. Отпала необходимость солидаризоваться с *Западом* или держать *Азию* на расстоянии» [Duus 2001: 248-249]. Ц. Акаха, оценивая настроения японского общества, отмечает, что, по широко распространенному мнению, в связи с окончанием холодной войны, Япония должна отказаться от договора безопасности [Акаха 1998: 795].

По данным опроса 2007 г., чувство близости с Соединенными Штатами испытывают 75,6%, а не испытывают такого чувства 22,6%. Примерно такие же оценки политических отношений: 76,3% японцев считают, что отношений их страны с США «хорошие» и «довольно хорошие». В предыдущем опросе эта цифра составляла 82,7%, число не считающих, что отношения «хорошие» и «довольно хорошие» увеличилось с 11,6% до 20,4%. Чувство близости с Китаем испытывают 34,0%, а не испытывают такого чувства 63,5%. Что же касается оценки политических отношений, число полагающих, что отношения их страны с Китаем «хорошие» и «довольно хорошие» увеличилось с 21,7% до 26,4% [Найкакуфу... Гайко... 2007]³. Разница в отношении довольно велика, но тенденция вырисовывается довольно отчетливо. Несомненно, что подобные симптомы отражаются на политическом курсе, ориентированном на многостороннюю дипломатию.

В течение последних двух десятилетий набирает силу стремление Японии уточнить свою роль в глобализирующемся мире. Тем не менее, пока

³ Национальный опрос 3 октября – 14 октября 2007 г. (n=3 000).

можно говорить лишь о тенденциях. Действительно, невзирая на довольно прочную встроенность в экономическую и политическую инфраструктуру современного мира, страна парадоксальным образом сохраняет рудименты некоторой психологической закрытости, унаследованной из прошлого. Эти элементы ни в коем случае не следует драматизировать: миф об «изоляционистской Японии» при сколько-нибудь тщательном анализе не выдерживает критики. Но, естественно, как и любой миф, он основан на вполне конкретных исторических реалиях. Многие японские исследователи, в частности, Ё.Сакамото, указывают на явный разрыв между продвинутой индустриальной и информационной глобализацией Японии, с одной стороны, и отстающей глобализацией национального сознания, с другой [Сакамото 2005: 145].

Суммируя приведенные соображения, надо подчеркнуть, что японская идентичность помогает во многом осмыслить тенденции внешней и внутренней политики страны. Интересный аспект отмечает молодой исследователь из университета Рицумэйкан И.Осаки, указывающий на необходимость изучить возможность того, что «проблема Северных территорий, которая была изобретена японским правительством, играет важную роль в продвижении 'национализма' как политического принципа или идеологии и придании 'нации' общей коллективной идентичности» [Осаки 2007: 37]. Это не одиночное мнение, свидетельствующее на тесную взаимосвязь политических целей и идентичности, и проблематика самоидентификации получает не только умозрительное, философско-теоретическое, но и прикладное значение.

Бычкова Т.А. б.г. Культура традиционных обществ Китая и Японии. www.humanities.edu.ru/db/msg/22463

Васильева Е.Б. 2001. Процесс культурной идентификации в Японии во второй половине XIX - начале XX вв. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. к.и.н. Владивосток.

Малашенко А. 2007. *И все-таки они сталкиваются*. Московский центр Карнеги. Брифинг. Том 9, вып. 4, ноябрь.

Материалы 4-й сессии семинара Университета ООН по глобалистике (Канадзава). 2008. <http://www.unu.edu/hq/japanese/gj/gj2004j/kanazawa4>

Мельвиль А.Ю. и др. 2007. *Политический атлас современности. Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств*. М.: МГИМО—Университет.

Переслегин С.Б. б.г. О спектроскопии цивилизаций, или Россия на геополитической карте мира. – http://www.igstab.ru/materials/Pereslegin/Per_Spectr.

Переслегин С., Переслегина Е., Боровиков С. 2002. Социальная термодинамика и проблема идентичностей. Тезисы к докладу. – *Проблемы и перспективы междисциплинарных фундаментальных исследований. Материалы Второй научной конференции Санкт-Петербургского союза ученых 10-12 апреля 2002 г.* Санкт-Петербург.

Федоров С. б.г. Самуэль Хантингтон. Теория глобального менеджмента. Top-Manager. Журнал для руководителей. <http://www.top-manager.ru/?a=1&id=1119>

Хантингтон С. 2003. *Столкновение цивилизаций*. Пер. с англ. Т.Велимеева, Ю.Новикова. М.: АСТ.

S.Chugrov vs S.Huntington. 1994. – Harvard Crimson. April 21.

Dale Peter D. 1986. *The Myth of Japanese Uniqueness*. London: Croom Helm Ltd.

Duus Peter. 2001. The "New Asianism." – Holzhausen Arne (ed.) *Can Japan Globalize?* Heidelberg-N.Y.: Phisica-Verlag.

Holden T.J.M. The Well-Tempura'd Nation: Japan, television food shows and cultural nationalism. 2002. – Paper presented at the 5th Conference of the Asia Pacific Sociological Association "Asian Pacific Societies: Contrasts, Challenges and Crises". Queensland University of Technology, Brisbane.

Holden T.J.M. 2008. Japan's Mediated "Global" Identities. www.intcul.tohoku.ac.jp/~holden/MediatedSociety

Moeur R., Sugimoto Yo. 1986. *Images of Japanese Society*. London, N.Y.: Kegan Paul International.

Nederveen Pieterse J. 2002. Hybridity, So What? The Anti-Hybridity Backlash and the Riddles of Recognition. – Lash S., Featherstone M. (eds). *Recognition and Difference: Politics, Identity, Multiculture*. London and Thousand Oaks: Sage Publications,

Айкокусин «ару ка?» (Есть ли патриотизм?). www.yoronchousa.net/result/1913

Акаха Цунэо. 1998. Нихон мицу-но као (Три лица Японии). – *21 сэйки-но Нихон, Адзиа, сэкай* (Япония, Азия, мир в XXI веке). Токио: Кокусай сёин.

Ватанабэ Р. 2002. *Нихондзин-но айдэнтити. Нихон бунка-но кодзо то Нихон буммэй-но суйтай* (Идентичность японцев. Структура японской культуры и упадок японской цивилизации). Токио: Иванами сётэн.

Катакура Макото. 2007. Такасэй то кёкасэй. Нихондзин-но ибунка-но дзюё-о мэгуттэ («Разнообразие цветов» и общность целей. Японская склонность к перевариванию внешних культур). – *Нихон кэнкю* (Японские исследования). N 35 (03.). Кокусай Нихон бунка кэнкю сэнта.

Найкакуфу дайdzин камбо сэйфу кохосицу. 2007. Гайко-ни кан суру ёрон тёса (Информационный отдел при секретариате кабинета министров. Опрос общественного мнения, касающийся внешней политики). www8.cao.go.jp/survey/h18/h18-gaiko/index/html

Найкакуфу дайdzин камбо сэйфу кохосицу. Сякай исики-ни кан суру ёрон тёса (Информационный отдел при секретариате кабинета министров. Опрос общественного мнения, касающийся состояния общественного сознания). www8.cao.go.jp/survey/h18/h18-shakai/index/html

Накамото Ёсимото. 2001. Кокусай ринри-о катарубэки дзидай (Эпоха, в которую надо говорить о международной этике). – *Гайко форуму* (Внешнеполитический форум). N 1 (150).

Осаки Ивао. 2007. «Хоппо рёдо» мондай-ни кан-суру сэнко кэнкю-но тотатутэн то сонно гэнкай (Пересмотр предшествовавших исследований проблемы Северных территорий). – *Кокусай канкэй ронсю* (Работы по международным отношениям). Киото: Рицумэйкан дайгаку кокусай канкэй гаккай.

Сакамото Ёсикадзу. 2005. Сэкай тицудзё то симин сякай (Мировой порядок и гражданское общество). Токио: Иванами сётэн.